

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ТРАДИЦИОННОЙ И МОДЕРНИЗИРОВАННОЙ СРЕДЕ

Ю.М. Ботяков

АБХАЗСКИЙ ТАМАДА. СТАТУС И ФУНКЦИИ

Центральной фигурой абхазского застолья, его непременным руководителем является тамада (*толумбаи*). Возможность получить шанс попробовать себя в роли тамады многим предоставлялась еще в молодости, правда, в этом случае аудитория состояла только из сверстников. Какими свойствами должен был обладать человек, чтобы стать тамадой на абхазском застолье? «Тамадой обычно выбирается мужчина среднего возраста, обладающий опытом ведения застолья, детальным знанием этикета, красноречием, дипломатичностью, выдержкой. Тамадой становится представитель хозяев» (Калимова, Чирикба 1998: 11–12).

Практика приглашения при появлении в доме гостя для проведения застолья соседей, предпочтительно наиболее близких, создавала ситуацию, при которой каждый абхаз имел возможность неоднократно выступить в роли тамады. Небольшое количество присутствующих за столом людей, как правило, не являлось причиной для перехода на «сокращенную программу» произнесения тостов, что превращало любое, даже локальное семейное событие в полноценное с точки зрения канонического сценария действо. Подобное «сито», сквозь которое проходили практически все жители селения, было гарантией того, что до поры не раскрытый потенциал будущего тамады, не имея шанса проявить себя, останется незамеченным.

Основными этапами «карьеры» тамады были вначале приглашения в дом соседей, свадьбы, проходившие в поселке, и как логическое завершение этого процесса приглашение на свадьбу в поселки другого селения. По выражению одного из наших информаторов, свадьба — «мероприятие, сопровождающееся демонстрацией возможностей семьи <...> в том числе включавшее и присутствие на свадьбе уважаемых людей». В полной мере это положение относится и к тамаде, правиль-

ный выбор которого поднимал престиж свадьбы и становился гарантией того, что свадьба — это важнейшее событие в жизни семьи — пройдет без досадных недоразумений.

Проведение свадьбы — наиболее ответственный момент в практике любого тамады. Если иметь в виду, что на современной свадьбе в селекции могут присутствовать от 700 до 1200 человек, то становится очевидным, что искусство быть хорошим тамадой не сводится лишь к умению произносить тосты. Опытный тамада предстает в первую очередь как искусный организатор и дипломат. «Говорят, что раньше легче было провести заседание Политбюро, чем абхазский стол, ибо здесь в точности надо было охарактеризовать порой незнакомых людей, давать словам очень четкую формулировку и быть очень искусным дипломатом, так как иногда за столом могли оказаться люди, между которыми, мягко выражаясь, „пробежала кошка“. И здесь порой благодаря искусной дипломатии и ораторству тамады, не называя имен, очень тонко примиряли людей, и они после этого становились побратимами» (Гуажба, Арутюнов 2006: 3).

Для тамады «не хорошо как-то» не знать о присутствующих гостях, в своем недостижимом максимуме тамада — это человек, владеющий полной информацией обо всех, кто сидит за столом.

Тамада являлся и является не только хранителем информации. Следует отметить, что его положение как руководителя застолья, провозглашавшего тост первым и тем самым определявшим стратегию поведения его участников, предоставляло тамаде возможность не только демонстрировать свою гражданскую позицию, но и влиять на формирование общего мнения.

Организуя застолье, умело им дирижируя, тамада действительно должен был обладать незаурядными дипломатическими способностями для того, чтобы, используя тост, слово — свой основной инструмент — предотвращать конфликт на стадии его зарождения или даже улаживать старые споры.

Отдельно остановимся на характеристике тамады как хранителя и знатока этикета. В одной из своих публикаций Р. Гуажба приводит историю, которая произошла в селекции Джырхуа в конце XIX в. В село прибыла группа офицеров — новая военная администрация. В честь гостей был устроен пир, на котором тамада Бабиа Чычын первый тост поднял за Всевышнего, а второй им был поднят за народ, что вызвало возмущение главы администрации. «Вы, абхазы, всегда были неблагоклонны к государю. Как ты мог поднять тост за народ, предварительно до этого не произнеся здравицу в честь государя императора! — Уважаемый гость! — ответил ему <...> Чычын, — это наш древний обычай, тост вначале за Всевышнего, а затем за народ, и потом, как мы можем поднимать тост за императора стаканом! Подать сюда рог! — скомандовал он. Виночерпий принес огромный рог, вмещающий до пятнадцати стаканов. Рог наполнили черным вином. Чычын, взяв рог в руки, про-

изнес тост: “За здоровье императора”, — <...> Затем он выпил рог, не отрываясь <...> После этого вновь наполнил рог вином и обратился к главе: “За императора пьют без передышки”. Офицер взял рог, произнес тост и затем вновь под мощное “Ура!” и стрельбу принял за дело. Но, не выпив и половины рога, он вдруг “неожиданно” резко опьянел и потерял сознание. Его осторожно вывели из-за стола» (Гуажба, Арутюнов 2006: 3).

Итак, события разворачиваются по следующему сценарию. Глава военной администрации не просто продемонстрировал незнание местного этикета, его поведение достаточно агрессивно, т.е. может служить «классическим образцом» нарушения норм дозволенного. Таким образом, его статус неприкосновенности как гостя практически аннулируется, что оправдывает в глазах абхазов дальнейшее поведение тамады. Необходимо подчеркнуть, что провинившийся гость с позиции абхазского менталитета был наказан серьезнейшим образом: потеря целовеком контроля над своими действиями, нахождение в обществе в состоянии сильного опьянения до настоящего времени в Абхазии рассматривается как позор. Но, если с точки зрения духа гостеприимства отношение к офицеру, ставшему фигурой *non grata*, в корне изменилось, то по этикету оно продолжало оставаться безупречным. Тамада вежлив, он выполняет просьбу гостя, более того, тост обставляется особо торжественно и, наконец, он первый проходит то испытание, которое предстоит его противнику. Таким образом, поведение Чычына, неотступно следовавшего этикету (важнейшая на Западном Кавказе составляющая характеристики человека), но сумевшего при этом наказать своего противника, есть пример виртуозного исполнения обязанностей тамады.

Жесткие нормы этикета, существенно сужающие пространство для коммуникационного маневрирования, неизбежно стимулируют формирование изоцированной, отточенной стратегии поведения человека в ситуациях, когда жизненные реалии необходимо «подстроить» под существующие каноны.

Одна из характерных особенностей абхазского застолья, придающая ему характер борьбы и интриги, — это «винный турнир». «Иногда застолье длится сутки. Из-за стола не выходят <...> Между тамадой и гостями происходит состязание — кто останется в конце застолья, тот и победитель <...> Из-за стола запрещалось вставать, вставший считался выбывшим из “винного турнира”...» (Гуажба, Арутюнов 2006: 3).

Необходимость руководить «винным турниром» неизбежно требовала от тамады физического здоровья и выносливости, что в свою очередь определяло возраст претендента на эту роль. Как уже отмечалось, тамадой, как правило, избирали человека не пожилого, но зрелого, т.е. представителя средней возрастной группы.

Попутно отметим, что среди этнографических особенностей, подчеркивающих известное отличие между населением Бзыбской (Запад-

ной) и Абжуйской (Восточной) Абхазии, существует различная регламентация провозглашения тостов, что вносит дополнительный нюанс в порядок проведения «винного турнира». Для Абжуйской Абхазии характерна практика, когда каждый из присутствующих за столом произносит не по одному тосту, а сразу несколько, объединяя их в так называемые партии. Выполнив таким образом некую программу по провозглашению тостов, участник застолья садится на свое место и выпивает столько стаканов вина, сколько было провозглашено тостов.

Судя по высказыванию наших информаторов из Западной Абхазии, их в первую очередь в подобном проведении застолья не устраивает ситуация значительной диспропорции между вербальной составляющей и собственно распитием вина в ущерб последней позиции. Кроме того, подобная практика чревата нарушением равных условий проведения «винного турнира».

Обычай проведения подобного состязания неизбежно вводит определенный критерий отбора при назначении руководителя абхазского застолья, который не обязательно должен стать на нем победителем, но обязательно должен достойно им руководить. В ряде случаев нашим информаторам было сложно определить, какое из качеств — умение говорить или пить — для тамады является главным. В лучших представителях этой категории ораторов эти качества органично сосуществуют.

Тем не менее следует отметить, что такое необходимое для тамады свойство, как умение пить, т.е. способность сохранять трезвый ум, несмотря на количество выпитого вина, в ряде случаев становится определяющим при назначении руководителя застолья. Конечно, в любом случае тамада будет обладать необходимыми навыками ведения стола, но подобный критерий выбора чреват возможным игнорированием иных составляющих, что в итоге не может не привести к снижению ораторского потенциала, укоренению некоего среднего уровня. Реакция общественного мнения на подобную тенденцию хорошо иллюстрирует замечание А.Б. Крылова по поводу одного поселкового моления о даровании дождя и урожая, участником которого он был и которое проводил не жрец, а простой «молельщик» — «не слишком уважаемый в селе человек, известный своим пристрастием к застольям с обильными возлияниями и получивший за это у односельчан красноречивое прозвище „тамада”» (Крылов 2001: 166).

Можно констатировать, что в современных реалиях культурной традиции народов Западного Кавказа сформировался иной тип тамады, который условно назовем «исполнителем ограниченной функции», наиболее адекватный стереотипу тамады, который сложился в современной культуре российских городов. В этой связи приведем высказывание нашего информанта в отношении кандидата на роль тамады. «Вряд ли назначат тамадой человека с темным прошлым. Уважаемый все-таки должен быть человек» (ПИМА 2006: 26). В словах нашего собе-

седника нет негативной оценки, но обращает на себя внимание то, что сам ответ дан в форме размышления, что говорит о многом.

Характеристика, в которой наш информант из селения Члоу оценивает место тамады в обществе, и в том числе те преимущества, которые дает ему это положение, представляет собой сочетание соображений высокого престижа и откровенно приземленной, сиюминутной выгоды. *«Тамада — это и есть оратор. Оратор должен выступать без шпаргалки. Были люди такие <...> Не все могут. „Кто тамадой был?“ — спрашивают, когда домой придешь. Потому что тамада тоже имеет пост <...> В обычной жизни он пользуется уважением, если у него хороший характер. Быть тамадой почетно. Выпил, покушал и пошел. Хорошо стол проводил. Все, что положено. Там тоже ум надо иметь. Я много раз у нас в селении был тамадой <...> Там, где тамада, там ставят большую миску с мясом».*

В приведенной точке зрения нашему собеседнику, в частности, было важно подчеркнуть временное, ограниченное ситуацией застолья влияние тамады на окружающих, которое не сохраняется за тамадой в повседневной жизни — *«в обычной жизни он пользуется уважением, если у него хороший характер».*

Библиография

Гуажба Р., Арутюнов С. О виноделии и винопитии у абхазов // Новый день. № 21 (85), 22 (86). 30.06.2006.

Калимова Г., Чирикба В. Фрагменты речевого этикета абхазов // Мосты Сухум, 1998. Вып. 1.

Крылов А.Б. Религия и традиции абхазов. М., 2001. Т. 1.

ПМА. Из поездки в Абхазию в 2006.

Ю.М. Ботяков, А.И. Джопуа

ФАМИЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК НА СВАТИЛИЩЕ ДЖАХАШКЯР-НЫХА В СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ

Моление представителей абхазского фамильного союза (*ажэла*) Джопуа, о котором пойдет речь, относится к тому кругу традиционной религиозной обрядности, который Ш.Д. Инал-Ипа охарактеризовал следующим образом. *«У каждого рода были свои религиозные празднества, то есть свой особый культ или “свои доли божества” (ханцэа-ху),*